

Екатерина Кубрякова

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДОМА

как свидетели
судеб

Голоса из окон

Екатерина Кубрякова

**Петербургские дома
как свидетели судеб**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3 (2-2Санкт-Петербург)

Кубрякова Е. В.

Петербургские дома как свидетели судеб / Е. В. Кубрякова —
«Центрполиграф», 2020 — (Голоса из окон)

ISBN 978-5-9524-5357-9

Задумывались ли вы, идя привычным маршрутом от работы до дома, посещая банк или поликлинику, что где-то здесь, в параллельной петербургской реальности, проходит другая жизнь – истории людей, которые в этих самых стенах любили, страдали, чувство вали? Смотрели в те же окна и видели тот же вид? Ступеньки, по которым вы поднимаетесь, слышат стук стертых каблучков Ахматовой. За вашим столиком в кафе сидит перед дуэлью Пушкин, а за тот же камень, о который вы споткнулись сейчас, спотыкается убегающий от своих убийц Распутин... Это вторая книга Екатерины Кубряковой, книга о домах как свидетелях судеб, о зазеркалье, в котором в этот самый момент происходят тысячи историй на том месте, где сейчас стоите вы. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3 (2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-9524-5357-9

© Кубрякова Е. В., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Обращение к читателю	6
Дома немецкой лютеранской церкви св. Петра	7
Высшие женские Бестужевские курсы	9
Доходный дом Мальцевых	12
Дом товарищества для устройства постоянных квартир	15
Доходный дом Погодина	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кубрякова Екатерина

Петербургские дома как свидетели судеб

© Кубрякова Е.В., 2020

© ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Обращение к читателю

Задумывались ли вы, идя привычным маршрутом от работы до дома, посещая банк и поликлинику, сидя на концерте в богато украшенном отреставрированном зале, что где-то здесь, в параллельной петербургской реальности, проходит другая жизнь – истории людей, которые в этих самых стенах любили, страдали, чувствовали? Смотрели в те же окна и видели тот же вид?

Ступеньки, по которым вы поднимаетесь, слышат стук стертых каблучков Ахматовой. За вашим столиком в кафе сидит перед дуэлью Пушкин, а в здании метро, куда вы забегаете, погруженные в свои мысли, вместе с вами влетает императрица, спешащая на бал. За тот же камень, о который вы споткнулись сейчас, спотыкается убегающий от своих убийц Распутин, а раскидистое дерево, под которым вы прячетесь от солнца, поливает Екатерина II, обдумывая письмо Вольтеру.

Эта книга о домах как свидетелях судеб, о зазеркалье, в котором в этот самый момент происходят тысячи историй на том месте, где сейчас стоите вы. Стены старых петербургских домов сохранили образы своих героев, реальных и вымышленных...

Вот и мы, спустя десятки и сотни лет, стоит лишь потянуть за зыбкую нить времени, сможем услышать их тихие и звонкие, резкие и мягкие, печальные и радостные голоса, доносящиеся из распахнутых окон.

Дома немецкой лютеранской церкви св. Петра

(1832 г., архитектор Е.Т. Цолликофер; Невский пр., 22 и 24)

«Дома для нас праздничным днем была среда. И почему? Батюшка в этот день обыкновенно обедал не дома, а у некоей мадам Михельц, богатой, умной, образованной вдовы немецкого купца, жившей в довольстве и добре на Невском проспекте, в доме Петровской церкви. Она собирала у себя по средам хорошую компанию, преимущественно мужчин, потчевала их хорошим обедом и находила удовольствие в их беседе. Все старались ей угодить, прислушивались к ее желаниям и т. п., особенно по той причине, что она, не имея ни детей, ни других родственников, давала знать, что раздаст после смерти свое имение своим приятелям и знакомым...

Нрав моего отца был так неровен, что мы считали тот день счастливым, когда обедали без него»¹.

В одном из этих двух домов, где в XVIII веке жили в основном немцы, так как принадлежали они лютеранской церкви, стоящей рядом и ныне, проходили эти странные званые обеды, которые посещал отец будущего писателя Николая Греча.

Невский проспект, 22 и 24

40-летний Иван Греч работал секретарем в Сенате и имел чин надворного советника. Этот статус давал потомственное дворянство, но не финансовое благосостояние. К тому же в отце, воспитанном на «бестолковых предрассудках немецкой старины, приправленных при-

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 73–74.

метаами русских и чухонских кухарок»², сочетались «буйная голова» с «добрым сердцем»³. В 1800 году, когда ему было 46, а сыну его Николаю – 13, его уволили из Сената без объяснений, и тут, как чудо, всплыло обещанное наследство мадам Михельц.

Она выполнила обещание и разделила поровну состояние между всеми «середовыми гостями». Выдача наследства заняла несколько лет (удостоверялись в отсутствии родни), и никто уже не надеялся получить плату за свою «дружбу». Однако за год до смерти Ивана, когда семья терпела нужду, долгожданный подарок поправил положение.

Два дома по бокам от церкви были изначально, еще в деревянном исполнении, симметричны. При эксцентричной вдове Михельц, жившей здесь до 1790-х годов, дома-близнецы уже каменные, а в 1830-х годах приобрели знакомый нам вид, правда были 3-этажными. Первый этаж занимали магазины (аптека в доме № 22 существует до сих пор). Различались дома нумерацией квартир: в 24-м – четные, в 22-м – нечетные.

В книжную лавку приходил сюда и Пушкин с другом, уже 45-летним Николаем Гречем. Возможно, бывая здесь, тот вспоминал отца, заходившего в те же двери к старой немке, деньги которой когда-то помогли ему закончить учебу.

Литература

Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990.

Кириков [и др.]. Невский проспект, 2004.

Кириков [и др.]. Невский проспект, 2013.

Мазаев М.Н. Греч, Николай Иванович // ЭСБЕ. Т. 18. СПб., 1893.

² *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 17.

³ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 19.

Высшие женские Бестужевские курсы

(1890 г., архитектор А.Ф. Красовский; В.О., 10-я линия, 33–35)

«30 ноября [1894 г.].

Чем ближе приближается день моего совершеннолетия – тем чаще приходится слышать разговоры о моем будущем...

Недавно был у нас дядя... купец... „Вы желаете учиться?“ – спросил он меня... добродушным тоном. Я молчала, но мама тотчас рассказала за меня, что я ужасная дочь, и т. п. „Совершенно лишнее дело идти вам на курсы, – авторитетно согласился с ней дядя, – туда идут те, кто без средств, а вам на что?“ Этого возражения я не ожидала, но если дядя как человек коммерческий переводил разговор на практическую почву, я решила взять ему в тон: „С какой же стати мне жить весь век, сложа руки?“... Но дядя стоял на своем: „Если желаешь трудиться – набери ребятшек и учи их грамоте... Замуж надо тебе, вот что...“...

Так он и уехал от нас..., очень сожалея о том, что у нас нет отца, который... не дал бы нам... забрать подобные опасные идеи в голову и выдал бы нас замуж за „хороших“ людей...

В.О., 10-я линия, 33–35

13 января [1895 г.].

В семейном кругу вновь заговорили о курсах. Мама не только не дает позволения, но... старается восстановить родных против меня... слезами, притворством, отчаянием, любовью ко

мне, дальностью расстояния, etc. ... Видя, что я отказываюсь от папирос, предложенных дядей, меня... не без колкости спросили: „А как же будешь там-то, на курсах? Ведь все курсистки курят“... Говорили со мной мало и пренебрежительно... Вижу, что без борьбы не выйду я из моего болота. Предрассудки – такая глухая стена, которую необходимо не разбирать, а ломать силой, чтобы скорее увидеть свет...

С.-Петербург, 22 августа.

...В Петербург... мы приехали вчера утром... Я поехала в Исаакиевский собор; что-то подсказывало мне: поезжай сначала туда, иначе ничего не выйдет. Я быстро вошла в собор, упала на колени в темном углу и пробормотала горячую, бессвязную молитву; потом бросилась на первую попавшуюся конку... С непривычки мне было очень неловко пересаживаться с одной конки на другую; наконец... с помощью какого-то доброго человека, я пошла на 10-ю линию, д. № 33, [где располагались] Высшие женские курсы... Два швейцара в ливреях стояли у крыльца. Я поднялась по каменной лестнице в большую прихожую. В доме шла переделка; всюду виднелись столы, вещи, вынесенные из других комнат, стояли ведра с краской и валялись кисти.

Я спросила, можно ли видеть директора... „А, это вы! Знаете, у нас из-за вас возникло целое дело!“ Я с недоумением посмотрела на него. „Дело в том, что вы были приняты“. – „Позвольте, как же это?.. Я получила бумагу с отказом“. – „Вот именно. А между тем вы были приняты... но мы получили письмо от вашей матери: она... написала... что... вследствие разных домашних обстоятельств, запрещает вам поступать на курсы. Тогда мы выслали вам бумаги с отказом“. Я слушала молча... мне нужно было сохранить приличное спокойствие...

24 августа, вечером.

Я принята! О, наконец-то я добралась до пристани. Курсы для меня – пристань, с которой я отправлюсь „в плаванье по волнам моря житейского“...

Попечитель был занят... Я ждала у стены в гостиной... „А, это вы? Пожалуйте сюда, – проговорил он... – вот... можете передать директору“. Я... развернула бумагу, там было написано: „Г-ну директору Высших Женских Курсов. С согласия его сиятельства, господина министра, разрешаю принять в число слушательниц с размещением в интернате“...

Он подал мне руку: „Теперь, когда вы приняты, вы должны поддерживать репутацию курсов“. – „Я буду подчиняться всем правилам, ваше превосходительство“. – „...Политикой не занимайтесь и... ведите себя так, чтобы не уронить достоинства курсов“...

Интернат Высших Женских Курсов, 8 сентября.

...Днем был молебен... Мы все подходили к кресту мимо директора и попечителя. Я стояла одна в этой шумной толпе...

На другой день начались лекции...

...За полчаса до начала аудитория уже переполнилась народом: всюду, где только можно было встать и сесть, даже на кафедре, так что [любимый профессор слушательниц Гревс] вошел, с трудом пробираясь... И первая же лекция показала мне мое круглое невежество...»⁴.

Парадные двери именно этого здания в конце XIX века манили юных девушек со всей России, мечтавших получить образование и независимость. За ними ждал их ранее недоступный, «мужской» мир науки, истории, философии, который решительным барышням открывали Менделеев, Сеченов, Введенский, Сперанский. Большинство профессоров работали безвозмездно, понимая важность высшего образования для женщин и видя, что студентки пришли сюда не из скуки или моды, а из сильного стремления к знаниям.

Елизавета Дьяконова, дочь ярославского купца, оставившая дневник своей борьбы за эмансипацию, описала преграды, которые нужно было преодолеть, чтобы войти в эти двери.

⁴ Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины.

Патриархальное общество с насмешкой и даже страхом относилось к «бестужевкам» (на некоторых по пути в этот дом даже сыпались оскорбления – «бесстыжевка»). Девушки, мечтавшие о независимости и карьере, казались революционерками, которые за этими стенами вот-вот получают недостающие им знания и пойдут менять мир. Опасения имели основания. Полиция регулярно докладывала лично императору о свободомыслии, запрещенной литературе, вступлению студенток в террористические организации, даже об арестах и ссылках на каторгу по политическим статьям.

Неблагонадежных активисток было в разные годы 1020 % при общем количестве слушательниц более 10 тысяч (за 40 лет существования). Но все остальные, хоть и пассивно, тоже участвовали в жизни кружков. В год Дьяконовой выпустилось всего около 60 человек – невозможно оставаться без политической позиции в таком тесном коллективе.

Барышни, прожившие свои первые 18 лет жизни в атмосфере смирения, православия и уважения к старшим, не смея в одиночку даже отправиться на прогулку, вдруг попадали в столицу, где именно в это время царили антиправительственные настроения и постоянно готовились покушения на государственных лиц, снимали квартиры совместно с подругами, перемещались по городу без присмотра, днем на курсах открывали для себя экономику, право, историю, а вечерами ходили в кружки, где обсуждались политика и устройство мира. Несмотря на уроки богословия, большинство курсисток становились атеистками. Автор дневника, Елизавета Дьяконова, приехавшая в Петербург глубоко верующей, описывала, как лекции заставили ее переосмыслить вопрос религии. К 1909 году в опросе «Что оказало влияние на ваше мировоззрение» первые места заняли Маркс и Толстой.

Обучение длилось четыре года, и выпускницы получали право работать преподавателями. Дьяконова всего на пару лет разминулась в этих стенах с учившимися здесь Надеждой Крупской, Ольгой Ульяновой (сестрой Ленина), Любовью Менделеевой (будущей женой Блока), Ольгой Форш.

После революции курсы стали частью Петербургского университета, после войны в здании размещался математико-механический факультет, а сейчас – географический.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга... СПб., 1996.

Басинский П.В. Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой. М., 2018.

Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М., 2004.

Краткая историческая записка о Высших женских курсах в С.-Петербурге. СПб., 1896.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний. Т. 1–2. М.: Терра, 1997.

Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: Терра, 1997.

Путеводитель. Ленинград. Л., 1986.

Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878–1918: Сб. ст. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1973.

Доходный дом Мальцевых

(1875 г., архитектор П.Ю. Сюзор; Невский пр., 79)

«Пишу впотьмах, и оттого так гадко. В Знаменской гостинице очень дорого и потому мы переехали в тот же дом, где и ты, но совершенно нечаянно. Не мучайся же, что я тебя преследую. Адрес мой: Невский, прямо за угол от тебя направо, первый подъезд, на самом верху, налево, меблированные комнаты № 12, и затем иди все прямо по коридору, пройдя весь, поверни налево и направо вторая дверь... Целую тебя бесчисленное множество раз, хотя заочно. Я знаю, ты не любишь, когда это делается на самом деле. Ну, я постараюсь не быть тебе неприятной... Преданная тебе всеми силами своей души Антонина»⁵.

По коридорам именно этого дома 140 лет назад бродила 30-летняя Антонина Чайковская, в надежде встретить избежавшего ее мужа, в то время уже великого композитора Петра Ильича.

Закрывшись от преследований навязчивой особы в квартире ненавистного дома (хотя бы окна его выходили на другую улицу – Новую, ныне – Пушкинскую, а не на Невский!), 39-летний Чайковский описывал это вторжение своей лучшей подруге, 48-летней миллионерше Надежде фон Мекк. Два задушевных собеседника делились друг с другом каждым своим шагом, исписав сотни писем и при этом ни разу в жизни не встретившись лично.

Невский проспект, 79

«Петербург...

⁵ Соколов В.С. Антонина Чайковская: история забытой жизни.

13 марта 1879 г.

...Я положительно несчастнейший человек, пока живу в этом отвратительном городе. Все мне здесь противно, начиная от климата и кончая безалаберностью здешней жизни»⁶.

«1879 г. марта 24. Петербург.

Суббота, вечером.

Хочу Вам рассказать, милый друг, про сцену, которую неожиданно разыграла сегодня утром известная особа. Едва ушел Ваш посланный, как позвонила и спросила меня какая-то дама. Так как дама эта, по объяснению швейцара, еще вчера приходила несколько раз и бродила около подъезда в ожидании меня, то я предчувствовал, что это может быть не кто иной, как известная особа. Поэтому, войдя в кабинет брата, где она ожидала, я некоторым образом был приготовлен к этому свиданию... Едва я показался, как она бросилась ко мне на шею и безостановочно начала говорить, что она во всем свете только меня любит, что она без меня жить не может, что она согласна на какие угодно условия, лишь бы я жил с ней, и т. д. Ну, словом, она, вероятно, хотела растрогать меня и добиться того, чего не могла добиться отказом от развода... Она промучила меня в течение, по крайней мере, двух часов. Брат Анатолий, который из другой комнаты слушал наш разговор, говорит, что я держал себя с тактом. Я старался как можно хладнокровнее объяснить, что как бы я ни был виноват и как бы ни желал ей всякого благополучия, но никогда не соглашусь на сожительство... Я решительно не знал, как прекратить эту несносную сцену, и... вручил ей экстраординарную сумму в сто рублей на обратную поездку в Москву. Тут она внезапно сделалась весела, как ребенок, рассказала несколько случаев о мужчинах, которые в течение этой зимы были влюблены в нее, пожелала видиться с братьями, которые явились и которых она осыпала нежностями, несмотря на то, что за полчаса перед тем называла их врагами.

Сцена эта потрясла меня довольно сильно. Она доказывает мне, что только за границей и в деревне я обеспечен от приставаний известной особы. Что касается развода, то об этом и думать нечего. По-видимому, ничто в мире не может искоренить из нее заблуждения, что я влюблен в нее и что рано или поздно я должен с ней сойтись...

Модест выражается про нее, что она не человек, а что-то совсем особенное. И в самом деле, никакие общечеловеческие соображения не прилагаются к этому жалкому и в то же время невообразимо отталкивающему субъекту...

Я ужасно радуюсь тому, что погода благоприятствует Вашему пребыванию в Петербурге... Я буду дома в понедельник и вторник утром от одиннадцати до двенадцати»⁷.

«31 марта 1879 г.

Вчера получил Вашу депешу, лежа в постели и думая о Вас, мой милый друг!.. Ко всем неприятностям моего пребывания в Петербурге присоединилась еще одна капитальная. Известная особа, получив от меня средства для обратного проезда в Москву, заблагорассудила, однако ж, остаться в Петербурге, и в одно прекрасное утро я встретил ее гуляющею вблизи нашего дома. Оказалось, что она поселилась даже в этом самом доме. Я... предупредил ее, что если она ищет здесь свиданий со мной, то это напрасно, ибо я не найду времени. Она ответила, что не может жить вдали от меня. Засим я получил от нее длинное письмо с изъяснением страстной любви ко мне. На письмо это я не отвечал. Приходится просто бегать от ее неожиданного преследования, и с этой целью я решился уехать отсюда...

...Неприятно только теперь, когда я чувствую ее в двух шагах от себя. В Каменке я буду вполне обеспечен от ее нападений... Кроме того, она получит обещанное ей письмо, в котором я еще раз и окончательно разрушу все ее надежды»⁸.

⁶ Чайковский П.И., Мекк Н.Ф., фон. Переписка. Т. 1.

⁷ Чайковский П.И., Мекк Н.Ф., фон. Переписка. Т. 1.

⁸ Чайковский П.И., Мекк Н.Ф., фон. Переписка. Т. 1.

Этот дом, где Петр Чайковский прожил меньше года и то редкими наездами из Москвы и Европы, стал свидетелем последней попытки Антонины наладить хотя бы внешнюю сторону их несчастливого брака. Квартиру здесь, по соседству со своей (№ 30), Петру нашел брат Анатолий, бывший свидетелем на состоявшейся два года назад злополучной свадьбе, а теперь становившийся свидетелем разрыва.

Спонтанно женившись на своей ученице, отчасти чтобы порадовать отца, отчасти чтобы связью с женщиной «зажать рты всякой презренной твари», судачившей об ориентации композитора, через пару недель после церемонии Чайковский сбежал в Европу от новоиспеченной жены, в которой помимо «нездоровой» привязанности к мужу обнаружилось еще и психическое расстройство.

Сумасшедшая истеричка, по мнению одних, и несчастная жертва обстоятельств, по мнению других, Антонина прожила всю жизнь в браке с Чайковским, почти не видясь с ним после разрыва в этом доме. Родив трех незаконных детей от другого мужчины, больная и стесненная в средствах Чайковская отказалась от них, в том числе чтобы не порочить фамилию мужа, а после его смерти провела остаток дней в доме для душевнобольных на Удельной.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга... СПб., 1996.

Кириков [и др.]. Невский проспект, 2013.

Познанский А.Н. Чайковский. М., 2010.

Соколов В.С. Письма П.И. Чайковского без купюр: Неизвестные страницы эпистолярии // Петр Ильич Чайковский. Забытое и новое: альманах / сост. П.Е. Вайдман и Г.И. Белонович. Вып. 1. М., 1995.

Соколов В.С. Антонина Чайковская: история забытой жизни. М., 1994.

Чайковский П.И. Письма к родным (1850–1879). Т. 1. М., 1940.

Чайковский П.И., Мекк Н.Ф., фон. Переписка: в 4 т. Т. 1. Челябинск., 2007.

Дом товарищества для устройства постоянных квартир

(1911 г., архитектор А.И. Зазерский; Большая Посадская ул., 1)

«...Смуглая, живая, очень энергичная, но ничего в ней нет колючего, столь обычного у смуглых, живых и энергичных женщин. И не умничают, как все они... Кошеверова пленительно гостеприимна, что тоже редкий талант...

Она была замужем за Акимовым. У него на углу Большой и Малой Посадской мы и познакомились. Подниматься надо было до неправдоподобности высоко, казалось, что ты ошибся и карабкаешься уже к чердаку по лестнице, бывшей черной, узкой и крутой. Послала судьба Акимовым квартиру большую, но нескладную. Попадал ты в кухню, просторы которой, ненужные и сумеречные, не могли быть освоены. Оттуда попадал ты в коридор, с дверями в другие комнаты, а из коридора – подумать только – в ванную. А из ванной в комнату самого Акимова, такую же большую, как кухня, выходящую окнами, расположенными полукругом, на ту широкую, расширяющуюся раструбом часть Малой Посадской, что выходит на Кировский проспект. Подобная квартира с ванной, разрезающей ее пополам, могла образоваться только в силу многих исторических потрясений и множества делений, вызванных необходимостью. Где живет хозяйка квартиры и кто она, узнал я не сразу...

Большая Посадская улица, 1

У Акимова бывал я... семь лет. И только через два года он познакомил меня с черной, смуглой, несколько нескладной, шагающей по-мужски Надеждой Николаевной, ассистенткой Козинцева. Говорила она баском, курила и при первом знакомстве не произвела на меня никакого впечатления. В дальнейшем же мне показалось, что она хороший парень. Именно так.

Надежный, славный парень при всей своей коренастой, дамской и вместе длинноногой фигуре. Вскоре с Акимовым они разошлись. Вышла она за Москвина, и родился у нее Коля. И он успел вырасти и превратиться в очень хорошенького восьмилетнего мальчика, когда завязалось у меня с Надеждой Николаевной настоящее знакомство, непосредственно с ней – она ставила мою „Золушку“, а не Акимов»⁹.

Именно в этот нескладный, изрезанный коммунальными переделками дом в 1930-х приносил свои пьесы 34-летний писатель Евгений Шварц молодому 29-летнему театральному режиссеру Николаю Акимову.

Свою жену Надежду, работавшую ассистенткой режиссера на находящемся через дорогу «Ленфильме», Акимов представлять коллегам не торопился. Жизни обитателей ломаных коридоров этого дома в то время были не менее запутанными, чем их квартирный лабиринт. Николай начинал руководить Театром комедии (который ныне носит его имя), влюбился в 24-летнюю актрису Елену Юнгер, родившую ему дочь. Это событие совпало со съемками фильма «Юность Максима», по окончании которых работавшая над ним 32-летняя Надежда вышла замуж за коллегу-оператора и в том же году родила сына.

Семейный разлад молодых постановщиков не означал, однако, разлада профессионального. После войны Шварц снова принесет свою очередную пьесу бывшим супругам – Кошеверова станет режиссером, Акимов – художником по костюмам, а в актерский состав наряду с Раневской и Жеймо попадет и Елена Юнгер. Фильм «Золушка» станет легендарным и, колоризированный, будет идти в кинотеатрах и в XXI веке.

Сейчас же на огромный дом, где в этих окнах углового полукруга все еще работают над пьесами Шварц и Акимов, надвигается война. Деятели искусства будут эвакуированы и покинут свои нескладные квартиры – старожилом в доме останется живший здесь 20 лет со времени постройки и вернувшийся к войне 63-летний Алексей Зазерский, его архитектор, когда-то видевший теперешние лабиринты коридоров удобными и идеально продуманными, какими он проектировал их 30 лет назад.

В 1909 году молодой зодчий реализовал концепцию кооперативного дома. Большинство горожан дорого и невыгодно снимали жилье, Зазерский же основал товарищество, позволявшее оплатить половину стоимости квартиры и на собранные взносы пайщиков начать строить дом. Дома – самые современные: в этом, например, были механизированные прачечные с сушилками, отопление и горячий водопровод, вентиляция и централизованные пылесосы. Зазерский ратовал за просторные планировки – до национализации в этом доме располагалось всего 20 квартир, по 6–9 комнат в каждой. Много лет архитектор прожил в своем творении, а блокадной зимой 1942 года вышел отсюда и не вернулся, пропал без вести.

Литература

Акимов Николай Павлович // БСЭ. Т. 1.

Акимов, Николай Павлович // Театральная энциклопедия / под ред. С.С. Мокульского. М., 1961.

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга... СПб., 1996.

Боровков В. Надежда Кошеверова // 20 режиссерских биографий / сост. Р. Д. Черненко. – М.: Искусство, 1978.

Весь Петербург. 1912–1930 гг.

Весь Ленинград. 1931–1934 гг.

Зодчие Санкт-Петербурга. СПб., 1998.

Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней. М., 2008.

⁹ Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней.

Юнгер Е. Все это было... М., 1990.

Доходный дом Погодина

(нач XIX в.; ул. Союза Печатников, 5)

«Я проснулся за час перед полднем... Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут – и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой, в доме В.В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас нескоро дойдет; бегаю, распоряжаюсь – и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса – и туда воды со всех сторон нахлынули, люди с частью вещей перебрались на чердак, сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у Н. П. – Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегла оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною...

Улица Союза Печатников, 5

Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука человеческого... лошадь с дрожками долго боролась со смертью, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и доски – от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противостоящими домами;

я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший, и в панораме пространное зрелище бедствий... Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще не опрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна [девушка], которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостью членов. Все это осиротело. Где отцы их, матери!!! Возвратясь в залу к С., я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин¹⁰ уличной поверхности. Был третий час пополудни...»¹¹.

Именно здесь, в доме Погодина, 29-летнего Александра Грибоедова застало печально известное наводнение 1824 года – самое разрушительное за всю историю Петербурга, которое вскоре Пушкин обессмертит в «Медном всаднике»:

¹⁰ 2,8 метра.

¹¹ *Грибоедов А.С.* Частные случаи петербургского наводнения. С. 61–63.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.